

— Сюй Цзюньян, каждый раз, когда я пытаюсь решить проблему, ты ведешь себя так, — Ян Чэнь схватил меня за запястье, сжал пальцы, заставляя меня повернуться к нему. — Я сказал, говори, что у тебя на душе, не держи в себе. Как я могу знать, о чем ты думаешь весь день! Если злишься, выплесни на меня, а то заболеешь, и что мне тогда делать? А?

— Я не хочу говорить! — я разозлился от его крика, резко вырвал руку. Как и ожидалось, на запястье уже появились красные следы, я в гневе потянулся к двери, но обнаружил, что она заперта. — Ян Чэнь, ты с ума сошел? Я не хочу говорить, потому что в конце концов это снова превратится в ссору! Ты не можешь дать мне хотя бы один день покоя? Ты что, хочешь, чтобы я поскорее умер?

Ян Чэнь явно разозлился, его взгляд стал мрачным, что заставило меня сжаться. Но в итоге он ничего не сказал, резко завел машину и выехал с парковки.

Я устало откинулся на сиденье. Как и бесчисленное количество раз до этого, наша модель взаимодействия с Ян Чэнем никогда не менялась: начало с попытки примирения и конец с взаимными ранами. Раньше я изо всех сил старался подарить ему свое сердце, а он безразлично бросал его под ноги; теперь он сам пытался залатать трещины, а я привычно отвечал ему злобой.

Его вера в то, что мы сможем быть вместе, казалась особенно абсурдной, и я не знал, что было смешнее: его самообман или наша невозможность быть вместе всю жизнь.

Или, может быть... это я, говоря, что не люблю его, но поддерживающий эту иллюзию.

Когда мы выходили из машины, Ян Чэнь сказал мне, что больше не будет со мной ссориться, и сделает все возможное, чтобы исправить свои ошибки, надеясь, что я стану счастливее. Он говорил это очень серьезно, хотя только что с трудом сдерживал гнев, и его лицо не выглядело радостным. Когда он поцеловал меня, я не отказался, и в его глазах это, вероятно, выглядело как молчаливое согласие, поэтому он снова обрадовался и не отпускал меня, целуя снова и снова.

— Я люблю тебя... — он обнял меня, как ребенок, и властно приказал. — Сюй Цзюньян, я не разрешаю тебе умирать, так что ты не умрешь.

Вот каково это — быть любимым Ян Чэнем. Никакой нежности, никакой романтики, просто этот вспыльчивый мужчина крепко держит тебя. Я хотел просто отмахнуться от него и выйти из машины, но вдруг заметил в его поведении что-то хрупкое. В моих глазах он всегда был непоколебим, ничто не могло его сломать, и эта хрупкость растрогала меня.

Я мягко обнял его в ответ.

Поскольку я пропустил весь день работы, на следующий день у меня накопилось множество дел. К счастью, Сунь Нин, которая с тех пор, как произошел инцидент в лифте, стала относиться ко мне лучше, сделала вид, что презирает мою медлительность, и помогла мне с некоторыми задачами, так что мне пришлось задержаться всего на час.

Сегодня была пятница, и Ян Чэня отправили в командировку по звонку отца. Перед вылетом он написал мне, что вернется в течение пяти дней, и попросил меня больше гулять и заниматься спортом в эти дни. В тот момент я был занят работой и увидел его сообщение только по дороге домой, сухо ответив: «Понял».

Сун Чэн добавил две сцены к съемкам и вернулся на два дня позже, чем планировалось. Тем не

менее, он уже был в городе В, и старина Ло встретил его, специально напомнив мне, чтобы я как можно скорее сам во всем признался. Я был раздражен, но сегодня мне все равно пришлось встретиться с Сун Чэном, чтобы избежать лишних проблем.

По дороге доктор У написал мне в WeChat, предложив поговорить, если будет время. Я подумал, что в последнее время я кручусь между несколькими людьми, и у меня нет сил на такие разговоры, решил отмахнуться парой фраз. Но он продолжал задавать вопросы, и я так увлекся беседой, что чуть не проехал свою остановку. Только когда я уже был у подъезда Сун Чэна, я поспешно закончил разговор.

Неужели психологи теперь так свободны?.. — подумал я, постучав в дверь Сун Чэна. Он открыл с улыбкой:

— Цзюньянь, ты забыл, что у тебя есть ключ?

Я замер, действительно полностью забыв об этом. Сун Чэн только что принял душ и поцеловал меня с запахом лимонного шампуня. Я тоже поцеловал его в щеку, он сильно похудел, глаза стали глубже, что делало его лицо еще более привлекательным.

— Скучал по тебе, — он пошел в комнату, что-то спрятал за спиной и с игривым видом спросил.
— Угадай, что это?

— Не знаю, — я действительно не мог предположить, что он мне подарит, потянулся за подарком, но он поднял его выше, не давая мне дотянуться. — Скажи сам.

— Та-да! — он открыл передо мной маленькую коробочку, глаза светились, и в них читалось ожидание. — Нравится?

В центре коробочки лежала маленькая печать, из нефрита, нежного розового оттенка.

— Я научился вырезать печати у местных мастеров, сделал ее с твоим именем, — я опустил глаза и увидел, что на руках Сун Чэна действительно были мелкие порезы. Шрамы от царапин покрывали его длинные пальцы, что выглядело почти пугающе, но он не упомянул об этом.

Я мягко взял печать, холодный нефрит ощущался тяжестью в ладони. На боковой стороне были вырезаны маленькие иероглифы, и Сун Чэн тихо объяснил:

— Это надпись на краю, я сам вырезал для тебя фразу.

— Что за фраза? — я наклонился, чтобы рассмотреть. — Желаю... эм...

— Не читай вслух! Посмотри потом! — Сун Чэн закрыл мне рот рукой, уши покраснели от смущения, он избегал моего взгляда, голос стал невнятным. — Я подумал, что когда мы будем рассылать приглашения на свадьбу, можно будет использовать печать, это и удобно, и красиво, правда?

— Правда! Мне очень нравится этот подарок. Ты настоящий сокровище, как ты так все продумал? Но ты не подумал, что сейчас есть одна очень важная проблема, которую нужно решить? — я засмеялся, отстранил его руку и поцеловал.

— Какая проблема? — он напряженно смотрел на меня, красивые глаза мигали.

— Я проголодался, — я взял его за руку и повел на кухню. — Сегодня я готовлю.

— Эй? Но я уже приготовил...

Вернувшись домой, я лег на мягкую кровать, играя с печатью, и при свете лампы внимательно рассмотрел надпись:

«Желаю, чтобы моя добродетель соответствовала твоей, чтобы мы шли рука об руку. Сун Чэн оставил это в память... Ой, он ошибся в имени?»

«Желаю, чтобы моя добродетель соответствовала твоей, чтобы мы шли рука об руку.

Раз не суждено нам лететь вместе, я погибаю».

Происхождение и значение этой фразы не самые лучшие, но, учитывая, что Сун Чэн с юных лет вышел в шоу-бизнес, возможно, он просто где-то увидел первую часть и решил, что это звучит красиво, с радостью вырезал, думая, что это делает его более культурным.

Я с легкой улыбкой поставил печать на тумбочку и написал ему:

— Дурачок, как ты мог ошибиться в имени?

— Потому что каждое слово нужно было вырезать за один раз, а я сразу ошибся, и исправлять было нельзя. Ты ведь знаешь, что это я, правда?

— Но когда я смотрю на это, мне кажется, что это подарок от кого-то другого. Ты не ревнуешь?

— я поддразнил его.

[Сун Чэн]: Нет

[Сун Чэн]: В следующий раз я сделаю тебе новую, и ты больше так не думай!

Я посмеялся, немного пообщался с ним, и вдруг Сун Чэн позвонил, что немного удивило меня:

— Что случилось?

— Писать сообщения слишком долго, — его голос был нежным, из-за простуды на съемках в нем была едва заметная хрипотца. — Хочу слышать твой голос.

Я почувствовал, как лицо нагрелось, и вдруг не знал, что сказать. Он мягко начал разговор:

— Старина Ло сказал, что наши фотографии выставлены, ты знаешь?

Это заставило мое настроение упасть, улыбка исчезла с лица. К счастью, Сун Чэн этого не видел, и я продолжал бодрым тоном, с каменным лицом:

— Знаю, шестнадцатого марта... в эту пятницу, то есть послезавтра. Ты пойдешь?

— В тот день ко мне придет старый друг, я не смогу. Цзюньянь, ты пойдешь? Должно быть интересно, расскажешь потом. Но старина Ло сказал, что сколько бы ни выручили на аукционе, вечером он угостит нас ужином... я, наверное, успею вернуться.

— Ага, — я равнодушно ответил, надеясь, что старина Ло не станет на ужине давить на меня с признанием. Я еще не придумал, как объяснить все Сун Чэну. Он, кажется, почувствовал мою рассеянность и тихо позвал:

— Цзюньянъ. Цзюньянъ?

<http://bllate.org/book/16832/1548664>